

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В МЕТАФИЗИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2016 г.

Аннотация: в статье показано, что аргумент от мыслимости, широко используемый в современной философии сознания и метафизике, не позволяет сделать окончательный выбор между конкурирующими теориями, каждая из которых остается равно возможной по сравнению с любой другой. Это обусловлено тем, что аргумент от мыслимости симметричен относительно доводов, которые с его помощью опровергаются (подтверждаются). В статье высказана гипотеза, что разрушить симметрию аргумента от мыслимости можно путем различения логической и метафизической возможности.

Ключевые слова: сознание, мыслимость, мысленный эксперимент, метафизическая возможность, Д. Чалмерс.

Abstract: the article shows that the conceivability argument widely used in contemporary philosophy of mind and metaphysics, does not allow to make the final choice between competing theories, each of these is logically equal any other. This is because the conceivability argument is symmetric with respect to the terms that contradicted or confirmed using thought experiment. The author hypothesized that distinguishing logical and metaphysical possibilities may destroy this symmetry.

Key words: consciousness, conceivability, thought experiment, metaphysical possibility, D. Chalmers.

Исследуя природу сознания («трудную проблему сознания»), современная философия часто использует в качестве аргумента мысленный эксперимент или аргумент от мыслимости. Суть его состоит в следующем: предлагается помыслить (представить) некое положение дел, от которого переходят к утверждению о возможности этого положения дел, а затем – к утверждению о том, что нечто существует так-то и так-то. В другом варианте окончательный вывод касается истинности или ложности той или иной концепции, но поскольку обсуждаемые гипотезы обязательно связаны с конкретной концепцией, то различия в выводах здесь нет. Таким образом, мысленный эксперимент составляют связанные между собой утверждения трех типов:

- а) эпистемические («нечто мыслимо»);
- б) модальные («нечто возможно»);
- в) метафизические («нечто существует именно таким образом» или «нечто не существует таким образом»).

Различных аргументов такого вида известно множество: аргумент Декарта о мыслимости бестелесного сознания, аргумент Д. Чалмерса о

мыслимости зомби, аргумент от инвертированного спектра, аргумент от отсутствующих квалиа [1, с. 38]. Схема рассуждений выглядит всегда одинаково:

- 1) если некая ситуация (например, инверсия спектра) мыслима, то она возможна;
- 2) если некая ситуация возможна, то соответствующая онтологическая гипотеза (например, функционализм) ложна;
- 3) данная ситуация (инверсия спектра) мыслима;
- 4) следовательно, она возможна;
- 5) соответствующая онтологическая гипотеза (функционализм) ложна.

Такой способ приращения философского знания кажется весьма привлекательным, ибо позволяет с легкостью как опровергать весьма солидные концепции (в приведенном примере таковым является материализм), так и выдвигать им на замену целое множество альтернатив, иногда интересных. Но вместе с тем статус аргумента от мыслимости кажется проблематичным, иначе говоря, его легитимность под вопросом. Не ясно, почему возможно применять его не как дополнительную иллюстрацию чего-то, что и без того было доказано (опровергнуто), а в качестве основного, решающего довода. Ниже будут рассмотрены некоторые трудности, связанные с такого рода применением.

Главная проблема, на наш взгляд, состоит в переходе от мыслимости какого-либо положения дел к его возможности. Д. Чалмерс, посвятивший аргументу от мыслимости отдельную работу, подчеркивает, что мыслимость в первую очередь связана с метафизической возможностью, а не какой-либо иной [2, р. 145]. Особенность метафизической возможности заключается в допущении мира, созданного и существующего по иным законам, нежели привычный нам мир. Например, в нашем мире невозможно, чтобы существовал объект,двигающийся со скоростью 1 млн км/с, поскольку это противоречит и законам природы, и законам физики (следовательно, природная и физическая возможности такой ситуации исключены¹). Но вполне можно себе представить («концептуально непротиворечиво вообразить», как пишет Чалмерс), что существует мир, где скорость света не является предельной скоростью распространения взаимодействий. В таком мире указанный объект вполне мог бы существовать. Иными словами, мы имеем дело с метафизической возможностью всякий раз, когда можем представить себе мир, по каким-то существенным свойствам отличный от нашего. При этом природная и

¹ Вслед за Чалмерсом полагаем корректным различать законы природы и законы физики, поскольку первые лежат в основе нашего мира, а вторые являются их концептуальным отображением. Состав физических законов перманентно обновляется и уточняется, в то время как система природных законов остается неизменной. Таким образом, некоторая гипотетическая ситуация может быть одновременно возможной с точки зрения физики, но невозможной с точки зрения законов природы (другое дело, что природная невозможность должна означать и физическую невозможность – однако этот вывод всегда является апостериорным).

физическая возможности осуществления воображаемой ситуации исключаются, а метафизическая и логическая – сохраняются.

Судить о возможности какого-либо положения дел допустимо при отсутствии противоречия относительно определенного вида закономерностей. Например, логически возможно то, что не противоречит законам логики, а физически возможно то, что не противоречит законам физики. Рассуждая по аналогии, следовало бы сказать, что метафизически возможно то, что не противоречит законам метафизики. Этот вывод кажется столь же простым, сколь странным. Что может означать выражение «метафизический закон»²?

От этого недоумения не спасает и та тончайшая дифференциация видов мыслимости, которую вводит в употребление Чалмерс в цитированной выше работе. В частности, он утверждает, что с точки зрения слабого модального рационализма первичная позитивная идеальная мыслимость влечет возможность. Здесь автор прибегает к трем дистинкциям:

1) мыслимость идеальная / первоначальная (*prima facie*): если некоторое положение дел *S* представимо субъектом при первом появлении, мы имеем дело с первоначальной мыслимостью. Если же *S* остается представимым после некоторой рациональной рефлексии, т.е. не устраняется после всестороннего последовательного обдумывания, это вариант идеальной мыслимости;

2) мыслимость негативная / позитивная: *S* мыслимо, если оно не исключается априори или нет явных противоречий в *S* (негативная мыслимость); некто может построить суждение без отрицания, и согласно этому суждению *S* имеет место быть (позитивная мыслимость);

3) мыслимость первичная / вторичная: некто может себе вообразить ситуацию, в которой имеет место *S*, и эта ситуация оценивается как реальная (первичная мыслимость), а если эта же ситуация оценивается контрфактически, мы имеем дело с вторичной мыслимостью.

В этом случае, как следует из работы Чалмерса, если некоторое положение дел *S* оценивается как реально представимое, проходит проверку рациональной рефлексией и выражается посредством суждения без отрицаний, допустимо считать, что *S* метафизически возможно.

² Аналогичным вопросом задается Д. В. Иванов: «Действительно ли можно из мыслимости какой-либо ситуации сделать вывод о ее возможности? Декарт полагал, что такой шаг вполне оправдан. Однако в его рассуждении переход от суждения о мыслимости какого-либо положения дел к суждению о возможности его существования обеспечивается допущением наличия Бога. Если же мы не вводим такой вспомогательный элемент, то нам необходимо принять дополнительное положение. По-видимому, мы могли бы перейти от утверждения представимости к утверждению возможности и сделать какие-нибудь онтологические выводы, если бы представимость какого-либо объекта гарантировала знакомство с его сущностными характеристиками» [1, с. 38]. В свою очередь, хотим заметить, что, если бы это условие выполнялось необходимым образом, т.е. знакомство с объектом априори предполагало бы знакомство с его существенными свойствами, метод мысленного эксперимента был бы попросту излишним.

Но предлагаемая система критериев не отвечает на два ключевых вопроса:

– чем метафизическая возможность отличается от логической?

– почему, опираясь только лишь на метафизическую возможность, мы можем делать выводы о пригодности (полноте, правдоподобии) тех или иных философских теорий?

Любопытный факт: в другой своей работе «Сознающий ум» Чалмерс фактически элиминирует метафизическую возможность как категорию, заявляя, что она эквивалентна логической возможности [3, гл. 4]. Другими словами, множество метафизически возможных положений дел (миров) тождественно множеству логически возможных положений дел (миров). Это освобождает нас от необходимости слишком долго размышлять над вопросом 1, но оставляет без ответа вопрос 2, который, будучи переформулированным, звучит так: почему, опираясь только лишь на логическую возможность, мы можем делать выводы о пригодности (полноте, правдоподобии) тех или иных философских теорий?

На этот вопрос можно дать два ответа – исторический и фактический. Исторический ответ будет состоять в том, что на всём протяжении существования философии только логическая возможность и была единственным основанием введения новых онтологических гипотез. Именно концептуальной непротиворечивостью и представимостью руководствовались Парменид, Платон, Плотин, Декарт, Спиноза, Гегель и многие другие выдающиеся мыслители. Пусть мы не обязаны повторять их ходы мысли. Пусть мы принимаем и уважаем только оригинальное. Но если мы хотим как-то вписать наши новые теории в уже существующий философский дискурс, если не хотим оказаться маргиналами, наверное, не стоит игнорировать инструментарий, которым пользовались столь уважаемые персоны. Но если даже не слишком центрироваться на уважении к целым поколениям мыслителей, всё же представляется, что, откажись мы от определенной методологии мышления, мы незаметно потеряем нечто важное в плане культуры мышления.

Фактический ответ состоит в том, что аргумент от мыслимости имманентен философии как таковой, а радикальную альтернативу избрести едва ли возможно. Иными словами, даже если нас не убеждают сотни авторитетных имен, это не означает, что мы всё ещё свободны отказаться от использования логической возможности в онтологии. Если мы попробуем сверхъестественным усилием воли устранить из памяти всё, что когда-либо знали о метафизике, если попробуем начать с нуля, то даже сравнительно простое парменидовское «бытие – это всё» потребует от нас той самой идеальной позитивной первичной мыслимости, о которой говорит Чалмерс. Это легко проверить, если предложить поразмышлять о бытии человеку, не искушенному в метафизике, но способному рефлексировать шаги собственного ума, когда последний движется к определенному выводу.

Если внимательно всмотреться, исторический и фактический аргументы содержательно совпадают. Их можно свести к одному утверждению: у философии не было, нет и не будет иного инструмента получения новых знаний. Аргумент от мыслимости был и остается имманентно присущим ей. Устранив его, мы выйдем за пределы философского проблемного поля – это кажется довольно убедительной мыслью.

Но этих рассуждений не достаточно, чтобы ответить на главный вопрос, обсуждаемый сейчас. Действительно, пусть аргумент от мыслимости неотделим от самой сути философии. Но его функциональность тем не менее кажется чрезмерной. Проиллюстрирую это на примере дебатов о природе сознания. С одной стороны, имеется материализм редуктивного толка, согласно которому феноменальный опыт в перспективе можно будет объяснить с помощью физических фактов, потому что он принципиально есть не что иное, как система этих фактов (в случае, если материализм не редуктивен, феноменальный опыт понимается как следствие физических фактов). С другой стороны, по словам того же Чалмерса, «если физически идентичный зомбийный мир логически возможен, то из этого следует, что присутствие сознания – дополнительный факт о нашем мире, не гарантируемый одними лишь физическими фактами» [3, с. 160]. Из этого следует, что дуализм (или иная альтернатива материализму) метафизически, т.е. логически возможен. Но в таком случае складывается странная ситуация. Если исходная теория (в данном случае материализм, хотя вопрос о его реальной исторической изначальности сейчас не обсуждается) получена с помощью аргумента от мыслимости (а в условиях дефицита естественно-научных знаний относительно феноменального опыта иного пути просто нет), то почему новая теория, полученная точно таким же путем, выступает опровержением предыдущей? Условно говоря, почему мысленный эксперимент неожиданно наделяется теми же свойствами (последствиями), что и эксперимент физический? Ведь если рассуждать здраво, самое большое, что можно получить от него, – это генерацию новой теории, которая концептуально отличается от прежней. Да, тут можно возразить: если мы знаем факт концептуального различия теорий, мы знаем, в чем именно указанное различие состоит. В случае материализма и дуализма выходит, что они несовместимы логически, если материализм ложен, то дуализм может быть истинен, если дуализм ложен, то материализм может быть истинен. Однако здесь мы имеем дело лишь с возможностью истинности той или иной теории сознания, но никак не с истинностью! Вполне можно предположить, что с помощью мысленного эксперимента кто-то представит себе ситуацию, «опровергающую» дуализм (ясно, что это довольно странное занятие, не релевантное никакой цели, но от этого оно не перестает быть возможным и допустимым с исследовательской точки зрения). Я бы назвал это свойством симметричности мысленного эксперимента: если мы можем себе представить положение дел, опровергающее тео-

рию А в пользу теории В, ничто не мешает вообразить положение дел, опровергающее теорию В в пользу теории А. По крайней мере, связь эпистемического, модального и метафизического суждений (см. начало статьи) сохранится.

Как уже было сказано, ни у кого нет сомнений, что логически когерентная концепция может быть истинной. Но множество концепций сознания не исчерпано двумя возможными элементами (даже если каждый из них суперкогерентен), поэтому нет ситуации жесткого выбора (при которой если мы отвергаем первый, то вынуждены признать второй). Грубо говоря, пока мы пребываем в сфере логической возможности, нам открыта дорога к генерации новых концепций. Их можно впоследствии содержательно сопоставлять. Но они все равновозможны, и в этом главная трудность. Отнюдь не очевидно, что аргумент от мыслимости по какой-то причине может повысить вероятность истинности одной из тех концепций, которые он предварительно помог сгенерировать. Представляется, что мысленный эксперимент должен быть ради этой цели соединен с чем-то иным, но с чем именно, пока не понятно.

Итак, рассуждения о метафизической роли аргумента от мыслимости можно свести к следующему:

- 1) метафизическая возможность содержательно совпадает с логической;
- 2) критерием пригодности метафизической теории выступает ее когерентность, вследствие чего оказывается возможной генерация новых метафизических теорий;
- 3) из множества метафизических теорий, пользуясь одним лишь критерием представимости, нельзя вычленить заведомо ложные или заведомо истинные теории, все они представляются равновозможными;
- 4) поскольку равновозможность различных метафизических теорий логически невозможна, мы находимся в ситуации выбора той или иной теории. Но этот выбор нельзя сделать только лишь опираясь на аргумент от мыслимости. Должны быть и иные аргументы.

Такая формулировка данных тезисов выбрана специально, чтобы к каждому из них можно было предъявить возражение. Например, отталкиваясь от (1) и (2), можно было бы сказать, что новые теории появляются у нас не только вследствие того, что логика позволяет им появляться, но и потому, что они как-то связаны с глубинными бытийными интуициями, которые еще предстоит отрефлексировать. Иными словами, можно попытаться обосновать содержательную нетождественность логической и метафизической возможности (и это поможет разрушить симметричность мысленного эксперимента). Но это – предмет и повод для другой статьи. Здесь же было показано, насколько порой рискованно оперировать в философии единственным типом доводов – даже если исторически и фактически этот тип кажется универсально пригодным.

Литература

1. *Иванов Д. В.* Феноменальная природа сознания (проблема натуралистического объяснения сознания) : дис. ... д-ра филос. наук / Д. В. Иванов. – М., 2015. – 309 с.

2. *Chalmers, D. J.* Does conceivability entail possibility? // Tamar S. Gendler & John Hawthorne (eds.), *Conceivability and Possibility*. Oxford University Press – 2002. – P. 145–200.

3. *Чалмерс Д.* Сознательный ум : в поисках фундаментальной теории : [пер. с англ.] / Д. Чалмерс. – М., 2013. – 512 с.

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: yurist84@inbox.ru

Тел.: 8-904-212-72-98

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: yurist84@inbox.ru

Tel.: 8-904-212-72-98